

Уроки Михаила Булгакова

Страницы из книги для учителя

Александр КНЯЖИЦКИЙ

В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» Лев Толстой писал: «Люди, мало чуткие к искусству, думают часто, что художественное произведение составляет одно целое, потому что в нем действуют одни и те же лица, потому что все построено на одной завязке или описывает жизнь одного человека. Это несправедливо. Это так кажется поверхностному наблюдателю: цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на жизнь?». Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев — мы ищем и видим только душу самого художника» (Л. Н. Толстой. О литературе. М., 1955, с. 286). Я начал разговор о том, как читать с детьми в школе произведения Булгакова, словами любимого им Толстого потому, что современное состояние литературного образования объясняется как раз тем, что им занимались люди, «мало чуткие к искусству», пытавшиеся строить историю литературы, объяснять смысл художественного произведения, основываясь только на том, что отразил в нем писатель, игнорируя специфику литературы как искусства слова. Переосмысление курса литературы в школе связано не только с введением в программу Булгакова или Платонова, Пастернака или Цветаевой — это, разумеется, сделать необходимо, но важнее, может быть, выяснить с учениками истинную суть литературы как искусства, бесконечную глубину творения художника, «лица необщее выражение» каждого большого писателя.

Основная цель, которой мне бы хотелось хоть в какой-то мере достичь в этой работе, к которой я стремлюсь как учитель, — это выяснить, что «за человек» Михаил Булгаков, «чем отличается от всех людей», что он может «сказать нового» о том, как надо смотреть на нашу жизнь. Неповторимый взгляд Булгакова, неповторимая булгаковская поэтика, удивительный, завораживающий художественный мир писателя должен открыться перед детьми уже в достаточно раннем возрасте. Это чрезвычайно важно и для развития читательских умений, для расширения читательского опыта и для того, чтобы к старшим классам, к чтению последнего романа школьники приходили со сложившимися представлениями об особенностях «самобытного нравственного отношения» писателя к жизни.

Знакомство с творчеством Михаила Булгакова я предлагаю начать в пятом классе с рассказа «Полотенце с петухом». В программе, разработанной коллективом МИРОС, этот рассказ рекомендуется к изучению во взаимосвязи с произведениями, по-разному воплощающими героическую тему, «Вересковым медом» Стивенсона, «Пловцом» Языкова. Авторам программы важно было проследить, как реализуется тема высших проявлений духа, в каких формах она существует в английской балладе, написанной на фольклорном материале (это в данном случае весьма существенно, поскольку этим произведениям в курсе пятого класса предшествовали сказки — авторские и народные), в ролевой лирике — в стихотворном рассказе, точнее — диалоге о судьбах поколений и народов, в аллегорическом стихотворении в прозе, в романтическом призыве, обращенном к «смелым душой». С детьми выясняются внутренние мотивы подвига, характер воплощения героического начала. Причем на первый план выступают вопросы, связанные с тем, действует ли герой вместе с

другими или он остается один на один с врагами, со стихией, с невозможностью совершить поступок и одновременно с невозможностью его не совершить. Героическое как победа над собой, над страхом, над, казалось бы, непобедимым — новым тематический для пятиклассников литературный материал. Рассказ «Полотенце с петухом» занимает в этом ряду произведений совершенно особое место. Прежде всего уже хотя бы потому, что он входит в цикл «Записки юного врача» со всеми характерными для него чертами жанра записок. Начиная работу над рассказом, я предлагаю ученикам написать записки разного содержания друг другу, записать события вчерашнего дня и вспомнить и записать какой-либо общий для них памятный день, например, первый школьный день. Таким образом выясняются разные значения «записок», но общим для них остается желание высказаться, оставить след в чужой душе, в истории, просто на бумаге (и в этом плане записки всегда личностны — от почерка и подписи до образа повествователя). Кроме того, жанр записок предполагает адресованность их в конкретном или широком смысле. Очень существенно для меня сопоставление ученических работ дневникового и мемуарного характера: записки вчерашнего дня — конкретны и документальны, в записках о давно прошедшем событии настолько преобразуются, что, посвященные одному дню, они в интерпретации двадцати пяти «мемуаристов» становятся совершенно разными. Преобразующая, вторящая роль памяти, которая сродни в данном случае художественному творчеству, отличает записки-мемуары от записок дневникового характера. У пятиклассников появляется возможность «на ощупь» почувствовать эту разницу.

В раннем творчестве Булгакова присутствуют и самые синопичные записки — «Записки на манжетах», записки, которые делаются по ходу беседы, чтобы не потерять ни одной детали, ни одного слова. Можно вспомнить хотя бы записки, которые вел Гольденвейзер в Ясной Поляне. В «Записках юного врача» настойчиво акцентируется тема памяти, стирающей прошлое — события, лица, чувства. Необходимость создания записок определяется желанием сохранить уходящее и исчезающее, вернуть бумаге и тем самым избежать небытия. Рассказ заканчивается именно на этой ноте: «И много лет оно (полотенце) висело у меня в спальне в Мурье, потом странствовало со мной. Наконец, обветшало, стерлось, продырявилось и исчезло, как стираются и исчезают воспоминания». Всеразрушающее время, эти «много лет», отделяющие события от момента создания записок, уничтожили полотенец, подарили на память, и саму память об искалеченной девушке. Причем Булгаков как бы растягивает старение, путь к исчезновению полотенец: «обветшало, стерлось, продырявилось», и сравнение основывается на повторении глагола «стираются», но глагол этот, употребленный в несовершенном виде, придает оттенок продолжительности, «тянет» из предшествующего контекста и свое окружение — «обветшало» и «продырявилось». Так ветшают образы былого, так зияют провалы — «дыры» — в памяти. Но остаются записки, то, что неподвластно времени и, как потом выяснится в «Мастере и Маргарите», огню — ведь «рукописи не горят».

Мне кажется, с самого начала, говоря о жанре воспоминаний, стоит обратить внимание на коренные отличия художественных записок от всех других типов записок. Можно вспомнить, например, начало «Записок» М. Н. Волконской. Этот выбор в данном случае объясняется и тем, что к ним по разным поводам обращаются в школе, и тем, что точной адресованностью, интересом событий и повествователя они могут считаться классическими: «Миша мой, ты просишь меня записать те рассказы, которыми я

когда-то во дни вашего детства развлекала тебя и Нелли, словом — написать свои воспоминания. Но прежде чем начать писать, надо уметь писать, а у меня нет этого таланта, и, кроме того, наша жизнь в Сибири может интересовать только тебя, как дитя изгнания, и я буду писать для тебя, для твоей сестры и для Сережи, при неприменном условии, чтобы эти записки не сообщались никому, за исключением твоих детей, когда они у тебя будут, прижавшись к тебе, с широко раскрытыми глазами, будут они слушать рассказы о наших лишениях и страданиях, с которыми, однако, мы настолько свыклись, что сумели быть веселы и даже счастливы в изгнании» (Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, с. 53). Трудно точнее и искренней обозначить цель записок. И очень важно подчеркнуть, что художественность, на отсутствие которой так несправедливо сетует автор, в данном случае только средство. Когда к этому жавру обращается писатель, художественность ставится целью. (Помните пушкинское «Цель поэзии — поэзия»).

Обычно, когда речь заходит о «Записках юного врача», вспоминают «Записки врача» Вересаева как книгу, во многом определившую характер записок его младшего друга, а позже и соавтора. Это так и одновременно не так. Действительно, в двух этих книгах можно обнаружить почти полностью совпадающие эпизоды: достаточно вспомнить хотя бы сцену операции больной дифтеритом девочки в книге Вересаева и рассказ Булгакова «Стальное горло». Наверное, стоит показать пятиклассникам, что «Записки врача» — это наблюдения врача, записанные врачом, а «Записки юного врача» — воспоминания писателя Булгакова об уездной молодости врача Булгакова. Кстати, любопытно, что Булгаков после службы врачом в добровольческой армии, о которой он по понятным причинам старался не вспоминать никогда, даже в самые трудные минуты жизни, в самое лихое безденежье, в безысходном отчаянии не помышлял о возможности возвращения к своей первой, отмеченной дипломом с отличием и интенсивной практикой, профессии. Вот как выглядит это сопоставление. Вересаев: «С первым же разрезом, который я провел по белому, пухлому горлу девочки, я почувствовал, что не в силах подавить охватившего меня волнения, руки мои слегка дрожали». У Булгакова: «Было очень тихо в операционной. Я взял нож и провел вертикальную черту по пухлому белому горлу. Не выступило ни одной капли крови». У Вересаева: «Я выгасил расширитель и дрожавшими от волнения руками ввел его вторично, но опять не туда. Я все больше терялся. Глубокая воронка раны то и дело заливалась кровью, которую сестра милосердия быстро вытирала ватным шариком, на дне воронки кровь пенилась от воздуха, выходящего из разрезанной трахеи, сама рана была безобразная и неровная, внизу ее зиял ход, проложенный моим расширителем». У Булгакова: «Медленно, стараясь вспомнить какие-то рисунки в атласах, я стал при помощи тупого зонда разделять тоненькие ткани. И тогда внизу раны откуда-то хлынула темная кровь и мгновенно залила всю рану и потекла по шее. Фельдшер тампонами стал вытирать ее, но она не унималась». Сопоставление можно продолжать и далее, но, мне кажется, лучше обратить внимание на то, какую цель ставил перед собой Вересаев: «Для пользы данного момента (данного момента) выделено Вересаевым по необходимости приходится обманывать тяжелого больного, но общество в целом — не тяжелый больной, и минутную ложь нельзя возводить в постоянное правило. Одно из двух: либо правда может уменьшить веру в медицину и врачей потому, что медицина по самой своей сути не за-

служивает подобной веры, — в таком случае правда полезна: ничего нет вреднее и ничто не несет с собой столько разочарований, как преувеличенная вера во что-нибудь, либо, во вторых, правда может колебать веру во врачей потому, что указывает на устранимые, но не устранимые темные стороны врачебного дела — в таком случае правда необходима: если темные стороны будут устранены, то вера опять появится, пока же они не устранены, то полной веры и не должно быть». Совершенно очевидно, что Вересаев решает «Записками» вполне конкретную задачу времени, и, следовательно, по самой авторской задаче его книга чисто публицистическая.

Вообще медицинская тема в нашей литературе значительно шире чисто профессионального аспекта: здесь всегда присутствовали проблемы взаимоотношений интеллигенции и народа, достоверности научного знания, веры и скепсиса и много-много другого. Разумеется, говорить об этой теме можно только в контексте целостной концепции жизни того или иного художника. Исходя из такой концепции можно понять, почему, например, у Льва Толстого врачи так безнадежно самоуверенны при полном и очевидном невежестве. Можно понять, почему такими разными предстают врачи у Чехова: Дымов, Астров, Старцев, Рагин... Но у Булгакова эта тема имеет совершенно особое значение: начиная знакомство с творчеством Булгакова с рассказа «Полотенце с петухом», я намечаю перспективу развития темы цели и исцеления, темы целителей: она постоянно привлекала писателя: Алексей Турбин, Преображенский, Борменталь, Стравинский... И, пожалуй, Иешуа — целитель в самом высоком смысле слова, хоть и искренне отрицает это в разговоре с Пилатом. Может быть, тема чудесного исцеления, которого по обыденной логике вещей не могло быть, начинается именно с рассказа «Полотенце с петухом».

В сопоставлении с познавательной публицистической книгой Вересаева особенно выпукло и отчетливо проявляется художественность булгаковского рассказа. Читатель погружается в сложную систему перекликающихся мотивов, деталей, приобретающих в контексте повествования совершенно особую смысловую нагрузку, слов, обретающих невозможную, да и ненужную в обычной речи глубину и яркость. Наверное, такое погружение в художественный текст важно еще и потому, что дети, пишущие рассказы, стихи и т. д., могут утратить ориентиры восприятия искусства — собственное их творчество в подавляющем большинстве случаев лишено настоящей художественности, и поэтому сопоставление с высокими образцами отчетливо обозначает, что есть что.

Прежде всего стоит обратить внимание детей на заглавие рассказа, попросить поискать в рассказе «петушьи» детали и положения. Очень важно выяснить связь названия рассказа с традицией образа петуха в народной культуре. В преддверии уроков по рассказу Булгакова можно попросить учеников рассказать, нарисовать, написать все, что они помнят о петухах из сказок, песен, загадок, считалок и т. д. В обобщении этого материала на уроке важно выделить мысль о том, что петух — это предвестник и символ рассвета, солнца. («Как и солнце, петух отсчитывает время» — ср. «первые петухи», «третьи петухи», до «петухов» и т. п.) («Мифы народов мира», М., 1988, т. 1. С. 309—310).

Для понимания смысла рассказа существенно и другое: в той же статье из этой энциклопедии говорится о мифопоэтических представлениях о петухе «как о дважды рожденном, что, в частности, нередко подчеркивается в загадках о петухе: «Дважды родился,

